

А. Х. МИТРОФАНОВ

САМАРСКАЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ОКТЯБРЮ

Момент Октябрьского переворота нельзя отделить от периода его назревания, роста сознания широких масс рабочих и крестьян. В свою очередь, этот процесс, начавшийся с первых же дней Февральской революции, нельзя рассматривать в отрыве от процесса организационного и идеологического роста и укрепления большевистской организации, ибо эти два процесса взаимно друг на друга воздействовали.

С первых же дней своего легального существования Самарская организация большевиков стала перед фактом, выражаясь мягко, несочувствия ей со стороны «революционной демократии», т. е. интеллигенции, мещанства, офицерства и их идеологов-меньшевиков и эсеров. Это «несочувствие» в первые дни Февральской революции мотивировалось «раскольнической нетерпимостью» большевиков, «изолирующих себя» от этой самой «революционной демократии». Отсюда — довольно настоячивые, но безуспешные попытки со стороны меньшевиков объединиться с большевиками.

Митрофанов Алексей Христофорович (1879—1941) — рабочий, член большевистской партии с 1903 г., делегат V (Лондонского) съезда партии. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства, с лета 1916 г. находился под гласным надзором полиции в Самаре. После Февральской революции один из виднейших руководителей Самарской организации большевиков — председатель губкома, редактор газеты «Приволжская правда». В последующие годы был на партийной и советской работе на Дону и в Москве. Настоящая статья написана в 1927 г. к 10-летию Октябрьской революции.

Это несочувствие мещанских идеологов (тогда еще меньшевики и эсеры были только более или менее прекраснотдушными парламентскими крестинами, контрреволюционерами они по-настоящему стали к моменту июльских событий) по отношению к большевикам перешло в испуганность и тревогу после выхода первого номера «Приволжской правды». Две первые руководящие статьи этого номера довольно четко давали общую установку в работе организации. Передовая указывала на переход империалистической войны в гражданскую, а статья о роли и значении профсоюзов в революции давала установку, выражаясь нынешней терминологией, на «массовую работу», т. е. на подчинение агитации, пропаганды и организации широких масс задачам дальнейшего развития революции.

Указанные статьи, разумеется, предназначались отнюдь не для того, чтобы напугать «революционную демократию». Это был необходимый оселок, на котором нужно было испробовать отношение к большевикам революционной демократии без кавычек, т. е. широких масс рабочих и солдат.

На второй день после выхода первого номера «Приволжской правды» к ее редактору пришла объясняться делегация от какой-то воинской части в лице толстого, бородатого сверхсрочного фельдфебеля и двух рядовых. Фельдфебель, что называется, сразу же взял «быка за рога». — «Хоть и свобода печати, — говорил он, — а против войны писать не позволим — это немцам на руку».

Редактор усадил делегацию и стал разъяснять, каким немцам, точно так же, как и русским, это «на руку» и каким «не с руки». Фельдфебеля, разумеется, убедить не удалось, — он ушел с теми же угрозами, с какими пришел, но по лицам рядовых было видно, что для них новая постановка вопроса о войне понятна и они ей симпатизируют. После этого в редакцию начали захаживать солдаты без официальных миссий, чтобы поговорить «на счет войны». Некоторые уходили недоумевающие:

— Вот поди ты, — большевики, а о войне рассуждают здраво.

В этом сказывалась обработка солдат «революционной демократией», т. е. офицерством, клеветавшим на большевиков.

В соответствии с установкой на массовую работу Самарская организация большевиков с первых же дней

своего легального существования все свое внимание и организационные усилия направила на завоевание рабочих Трубочного завода и на строительство профсоюзов. Сравнительно меньшее внимание уделялось словоговорениям в реорганизованной городской думе, на различных торжественных заседаниях «революционной демократии». Даже работа в Советах, когда большевики там были в сравнительно незначительном числе, не ставилась организацией во главу угла, в противоположность меньшевикам и эсерам, которые в отношении Советов сразу и безнадежно заболели парламентским кретинизмом. С каким энтузиазмом хлопотали они о разных регламентах, о взаимоотношениях с комиссаром Временного правительства и с городской думой, об устройстве заседаний, о паритетных комиссиях и тому подобной парламентской чепухе.

Большевиками было уделено очень много внимания и сил организации союза строительных рабочих и обеспечению влияния на этот очень многочисленный и связанный с крестьянством союз. В первые дни Февральской революции пишущий эти строки ходил по мелким предприятиям агитировать рабочих за вступление в соответствующие союзы, разъясняя попутно, чего хотят большевики и кто они такие. Эта работа была чрезвычайно хлопотна и почти не поддавалась учету. Единственным показателем результативности этой работы было то, что в редакцию «Приволжской правды» начали приходить представители различных мелких мастерских, с просьбой «растолковать» и помочь организовать в профсоюз.

Гораздо легче шло завоевание рабочих Трубочного завода. На заводе у станка работали тогда такие видные большевики, как Н. М. Шверник, Н. Ф. Панов, Н. П. Теплов, П. С. Борисов, Г. Д. Курулов и другие.

На примерах повседневной заводской жизни, развивающихся революционных событий эти товарищи неустанно вели массовую и индивидуальную агитацию и пропаганду среди рабочих. По задаче завоевания рабочих завода равнялась до известной степени и «Приволжская правда», имевшая там своих рабкоров, покрывавшая свой хронический и довольно большой дефицит за счет специальных сборов в ее пользу на заводе.

В результате особого внимания и усилий большевистской организации уже в мае рабочие в общем и целом

шли за большевиками, в заводском комитете они вскоре оказались в большинстве.

В начале мая, во время так называемого «пьяного бунта», рабочие отряды, организованные из рабочих Трубочного завода для ликвидации этих бунтов, выбрали своими начальниками главным образом большевиков¹. Полученное для этих отрядов оружие было зарегистрировано большевиками-начальниками за наиболее надежными ребятами и не возвращалось обратно. Так было положено основание Красной гвардии, устав которой был разработан и принят несколько дней спустя. В июльские дни Красная гвардия была уже оформлена и более или менее дисциплинирована².

Ко времени июльских событий опора большевиков на массы, в особенности на рабочих Трубочного завода, была настолько прочной, что меньшевистско-эсеровский «комитет безопасности», при всем своем желании учинить по примеру Временного правительства расправу с большевиками, не посмел этого сделать, ограничившись лишь «громовыми» выступлениями и резолюциями против «большевиков-изменников» на заседаниях Совета, комитета народной власти, городской думы и комитета безопасности. Даже контрреволюционная работа меньшевиков и эсеров в июльские дни в Самаре выразилась всего

¹ Винные погромы (пьяные бунты) были организованы в начале мая 1917 г. в Самаре черносотенцами. Для отпора им были созданы рабочие дружины, которые защитили трудящихся от черносотенцев и хулиганов и в течение нескольких дней разгромив погромщиков, навели в городе порядок, показав себя силой, способной противостоять вылазкам контрреволюции. — *Ред.*

² Автор допускает неточность. Фактически обстановка сложилась так: под давлением рабочих и по инициативе большевиков Самарский Совет рабочих депутатов, большинство в котором принадлежало эсерам и меньшевикам, 10(23) мая вынужден был заявить о том, что Советы должны «создать дружины вооруженных рабочих для отражения каких бы то ни было попыток контрреволюции». Это решение Совета и решительные действия рабочих дружин в борьбе с черносотенными погромщиками вызвали переполох в лагере самарской буржуазии. Соглашатели тоже перетрусили и 31 мая (13 июня) на совместном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов добились принятия резолюции, в которой разъяснялось постановление Совета от 10 мая как пожелание общегосударственного масштаба, не подлежащее немедленному осуществлению в Самаре. Рабочие дружины были распущены. Однако рабочие оружия не сдали, припрятали. Рабочая Красная гвардия была создана в Самаре в начале октября 1917 г., после завоевания большевиками большинства в Советах. — *Ред.*

лишь в парламентском кретинизме¹, и это объяснялось отнюдь не тем, что они не сумели бы устроить хорошего кровопускания большевикам, а тем, что за спиной этих самых «изменников-большевиков» стояла внушительная сила революционных, начавших вооружаться рабочих масс.

Июльские дни в Самаре дают особенно четкий и яркий пример того, как «локомотив истории» — революция — отрывает массы от только что избранных ею «вождей» и уводит их (массы) вперед незаметно для этих «вождей». После этого разрыва начинается созревание масс и «вождей» в различных направлениях. Массы зрели к Октябрю, тогда как вожди созревали к контрреволюции.

В июльские дни, когда меньшевики и эсеры якобы от имени избравших их «масс» «громили» большевиков разговорами и резолюциями на заседаниях Совета и городской думы, сами массы на организованных большевиками собраниях, в свою очередь, клеймили этих «вождей» как пособников контрреволюционной буржуазии и требовали передачи власти Советам. Организовался специальный советский революционный батальон под командой большевиков, послуживший опорой Октябрьского переворота.

Насколько отчетливо и очевидно было назревание Октября в сознании рабочих и солдатских масс, настолько запутан, сложен и малопонятен был этот процесс в отношении крестьянских масс.

Собравшийся в начале июня губернский крестьянский съезд дружно аплодирует своим «вождям» вроде эсеров Брушвита и Светляева, голосует за приветствие эсеро-меньшевистскому Временному правительству, старательно мешает говорить большевику-оратору. С точки зрения парламентских кретинов съезд этот не оставляет желать ничего лучшего, но отдельные его делегаты тайком от «вождей» забегают в большевистский комитет, в редакцию «Приволжской правды» и так же, как в марте солдаты, растерянно констатируют после беседы: «большевики о земле правильно решают». Был даже такой момент, когда съезд в целом «не оправдал надежд» парламентских кретинов и дружно голоснул за отмену циркуляра Временного правительства, защищавшего

¹ Тупоумие, тупость.

неприкосновенность землевладельцев. И циркуляр был разослан на места комитетом народной власти с сопроводительной бумагой, разъясняющей, что в Самарской губернии циркуляр не может иметь применения, так как захват земель производится «организованно», по правилам, выработанным крестьянским съездом.

Если нельзя сказать, что это была земельная революция, то нельзя отрицать за этим постановлением крестьянского съезда и громадного революционного значения. Крестьянство наглядно убедилось в том, что оно может захватывать землю, опираясь на свою организацию, а не на Временное правительство.

В течение августа 1917 г. со всех концов Самарской губернии поступали сведения о захвате земель или противодействии со стороны крестьян землевладельцам в обработке и засеве их земель, а позже и о разгромах имений. А в это время в крестьянском Совете в Самаре сидели эсеры и без конца болтали о благодеяниях, которые принесет с собой Учредительное собрание. Болтали и, надо быть справедливым, не противодействовали фактическому осуществлению земельной революции, или, вернее, не смели и не могли оказать этого противодействия.

К половине августа работа большевиков по линии профсоюзов закончилась привлечением их на сторону большевиков. 9 августа (27 июля) в секретариат Центрального бюро профсоюзов были избраны большевики и руководство профсоюзами перешло в руки большевистской организации. Этому переходу руководства к большевикам вверху в полной мере соответствовала большевизация настроения широких масс рабочих, организованных в профсоюзы. Общие собрания членов профсоюзов металлистов, строительных рабочих и другие выносили постановления: голосовать при выборах в городскую думу за большевиков. Такие же постановления выносились и на общих собраниях рабочих крупных предприятий (булочная Неклютиной, завод № 1 военнопromышленного комитета). Управление Трубочного завода в конце августа фактически перешло к завкому. Роль начальников мастерских определялась указанием на то, что они «лишь технические служащие».

Под давлением масс пытались «леветь» и оторвавшиеся от них «вожди» — эсеры и меньшевики, предлагавшие на заседании Совета солдатских депутатов «вынести

порицание» ЦИК Советов за допущение Московского совещания.

На лозунг протеста против Московского совещания, брошенный большевиками, отозвались решительно все рабочие Самары и значительная часть солдат. К этому моменту меньшевики и эсеры из Совета рабочих депутатов еще больше подорвали доверие к себе на протесте против забастовки в булочной Неклютиной и на Трубочном заводе. На следующих выборах Совета большинство в нем перешло к большевикам. Самарский организованный пролетариат и лучшая часть гарнизона уже в половине сентября были готовы к осуществлению Октября.

Около этого же времени крестьяне, по выражению кадетской газеты «Волжский день», «буквально обезумели и в своих захватах не знают никаких границ».

Так нарастал Октябрь в настроениях рабочих и крестьян, мобилизовывались его боевые силы. А кретины парламентаризма продолжали «угovarивать» большевиков не раскалывать «революционную демократию», угovarивали крестьян подождать с захватом земли до Учредительного собрания, угovarивали солдат «геройски отстаивать на фронте завоевания революции» и убеждали самих себя в том, что «большевики — это недоразумение».

Парламентский кретинизм меньшевиков и эсеров достиг высшей точки 7 ноября (25 октября)... В то время как большевизированный исполком Советов рабочих и солдатских депутатов в течение ночи разоружал казаков, приводил в боевую готовность революционные части гарнизона и реально организовал захват власти, меньшевики и эсеры попытались на объединенном заседании исполкомов воспрепятствовать перевороту голосованием. Самое забавное при этом было в их хитрости, при помощи которой они получили это большинство. В наказе (или какой-то другой бумаге, хорошо не помню) исполкома крестьянского Совета было предусмотрено право пополнения этого исполкома представителями местных крестьянских организаций. Благодаря этой махинации на объединенное заседание исполкомов явилась громадная толпа соглашателей всевозможных оттенков, подавившая своей численностью большевиков. До 6 часов утра продолжалось угovarивание большевиков. Здание «Общественного собрания», где происходило это угovarивание, было окружено солдатами на случай, если нас-

тойчивое уговаривание большинством меньшинства могло перейти во что-либо более существенное и реальное. Но этого «более реального» со стороны парламентских кретинов не последовало. Даже проект резолюции, осуждающий большевиков, «узурпаторов власти», не был проголосован по каким-то хитрым соображениям «вождей революционной демократии». Когда эти «вожди» наткнулись при выходе из помещения на солдат с винтовками, они сначала приняли это за «оскорбление революционной демократии», но быстро успокоились и даже остались, видимо, довольны, когда им начальник караула разъяснил, что отряд охраняет их от возможных недоразумений.

Особенность Октябрьского переворота в Самаре, его сравнительно мирный характер нельзя, конечно, объяснить только тем, что парламентские кретины верили в чудодейственность резолюций и голосования. Они не прочь были и пострелять из-за угла и вообще напасть большевикам чем-либо более реальным, но у них не было никакой опоры в массах, тогда как у большевиков эта опора росла не по дням, а по часам, и не только в городе, но и в деревне, где беднота и фронтовики стихийно организовали самочинные «партии большевиков».

Тот факт, что на выборах в Учредительное собрание эсеры получили громадное большинство (12 делегатов из 17, а большевики только 3), не стоит в противоречии с указанным положением. Крестьянство голосовало за эсеров в самый разгар погромов помещичьих имений и захвата земли, считая само собой разумеющимся, что эсеры как «крестьянская партия» немедленно «утвердят» в Учредительном собрании захват земли. После же разгона Учредительного собрания крестьянство отвернулось от правых эсеров, выражением чего было делегирование на 1-й губернский съезд Советов левых эсеров и максималистов. Эти «политики», надо правду сказать, причиняли немало хлопот большевикам своей бестолковой «левизной», но это уже вопрос последующей организации Советской власти в Самарской губернии.
